

УДК 343.296

Н.Н. Сенин

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И РОССИИ ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Исследуются материально-правовые и процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного преступлением, в историческом аспекте российского законодательства и правоприменительной практики. Ключевое значение, по мнению автора, имеет тип уголовного процесса, устанавливающий пределы процессуальной активности сторон.

Ключевые слова: потерпевший, уголовный процесс, типология процесса, гражданский иск, реституция.

В древнейший период никаких институтов возмещения вреда в классическом смысле не было, однако признавалось и обеспечивалось право мести, с помощью которого сам пострадавший либо его родственники удовлетворяли свои притязания. Позднее с возникновением государства право мести теряет свое значение. Однако бесследно ничто не проходит, и право мести в Древней Руси перерождается в обвинительный тип процесса¹, которому соответствует широкое участие потерпевшего в уголовном преследовании, отсутствие какой бы то ни было активности суда в процессе, исковой характер последнего, возможность примирения сторон и т.д. Никакого различия между уголовным и гражданским процессом не существовало [2, с. 16–18]. Так, «Судный закон людям» князя Владимира Святославовича (предшественник Русской Правды) содержал одновременно нормы гражданского, уголовного, церковного права и процесса. Но уже в этом документе можно проследить определенную трансформацию в сторону установления гарантий возмещения вреда, причиненного преступлением. Например, потерпевшему возмещались расходы на лечение в случае нанесения ему увечий.

Любопытны некоторые гарантии осуществления правосудия и возмещения вреда, действовавшие в древнем Новгороде. Для понуждения к соблюдению установленных сроков ведения дел были установлены достаточно крупные пени, взыскиваемые с тех судей, которые допускали затягивание дела. Кроме того, провинившийся судья должен был возместить истцу возникшие по его вине потери и убытки [3, с. 121]

Фактически, на данном этапе институт возмещения вреда в процессе сводился к установлению обязанности суда содействовать потерпевшему в поиске ответчика или доказательств в том случае, если сам потерпевший по объективным причинам не может осуществить данные действия и обращается за помощью в суд. Такой порядок существовал в форме обычая и лишь гораздо позднее получил отражение в правовых актах. Роль государства проявлялась

и в том, что им заранее устанавливался объем и характер возмещения в зависимости от вида правонарушения. Необходимо отметить, что большинство наказаний по Русской Правде выражались в денежных платежах, часть из которых шла в возмещение вреда потерпевшему [4], а объем возмещения мог зависеть от его социального положения². Кроме этого, праву было известно возмещение расходов на лечение и повременной платы за пользование украденной вещью³.

В Русской Правде закрепляется порядок отыскания похитителя путем так называемого «свода», когда каждый приобретатель похищенного имущества должен был доказать свою добросовестность путем указания на лицо, у которого он его приобрел⁴.

Материальная ответственность за преступление могла быть возложена и на третьих лиц. Так, допускалось, в случае если произойдет убийство и преступник останется неизвестен, возложение обязанности уплаты штрафа (виры) на общину, в округе которой поднят убитый; хозяин платил за холопа, если не хотел его «выдавать головою» потерпевшему⁵.

Период с XIV до первой половины XVII века характеризуется довольно существенными изменениями в уголовном процессе. Это было обусловлено ростом влияния государства в лице княжеской власти и позднее – усилением централизации. В уголовном процессе постепенно укрепляются публичные начала. Государство уже не хочет отдавать ведение дела в руки потерпевшего и стремится по наиболее важным делам брать функции уголовного преследования на себя. Активность государства выражается и в распространении письменных источников права. Для той или другой области на основе действующих норм права составлялись уставные грамоты, представлявшие собой сборники местных постановлений. Эти документы вручались непосредственно тем самым общинам, для которых были

² Русская Правда предусматривала различные штрафы за убийство свободного человека, чиновника или холопа (ст.ст. 1, 19, 26 Русской Правды по Академическому списку).

³ Статья 2 Русской Правды по Академическому списку, ст. 44 Русской Правды в пространной редакции.

⁴ Ст.ст. 35–36 Русской Правды в пространной редакции.

⁵ Ст.ст. 3, 121 Русской Правды в пространной редакции.

¹ В данной работе автор использует термины «тип» и «форма» процесса как синонимы, признавая однако, что на этот счет в науке существуют и другие точки зрения [1].

изданы, так что каждая община знала свои права, обязанности и ответственность за то или иное преступление [5, с. 240]. В конце описываемого промежутка истории появляются нормативные акты, подробно отражающие основные начала уголовного процесса. Таковы судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.), Книга Разбойного приказа Ивана IV (1556 г.), Судебник царя Федора Иоановича (1589 г.) [6]. Усиление влияния государства обусловило сосуществование двух типов процесса: традиционного обвинительного и нового розыскного.

Все уголовные дела можно было разделить на три категории: по одним производился «суд»⁶, по другим «розыск», в делах же очевидных «чинили управу», то есть подвергали уголовному наказанию, обходясь без всяких процессуальных требований.

Розыск производился по делам о преступлениях, совершенных «лихими людьми», то есть теми лицами, для которых совершение преступлений было промыслом. Основанием разграничения дел на практике была не важность преступления, а обстоятельства его обнаружения. Если было достаточно оснований подозревать, что преступление совершено «лихим человеком», производился розыск. Поскольку доказательства носили формальный характер⁷, зачастую происходило смешение юрисдикции, так что, в принципе, любое дело могло быть рассмотрено либо в порядке суда, либо розыска [5, с. 115–122; 7, с. 70–105].

В зависимости с обозначенными тенденциями развивался и институт возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе.

Нельзя сказать, что в розыском процессе возмещение вреда отсутствовало. Поскольку функция уголовного преследования ложилась на плечи государства, именно оно и было *обязано* принять меры, способствующие возмещению. Имущество заподозренных описывалось, опечатывалось и передавалось на хранение третьим лицам. По окончании производства по делу за счет продажи указанного имущества выплачивалось возмещение потерпевшим. В случае отсутствия имущества также предусматривался ряд мер. Если преступник не был казнен, он мог быть отдан потерпевшему головою до «искупа». При отказе потерпевшего от такой привилегии преступника отдавали на поруки другому лицу, которое и выплачивало сумму возмещения. Позднее в Книге разбойного приказа был четко определен круг лиц, которые несли материальную ответственность за вред, причиненный преступлением. В это число входили, кроме самих осужденных и их сообщников, оставленные в результате розыска в подозрении; поручители; лица, давшие на «обыске» заведомо ложные показания; лица, препятствовавшие установлению истины по делу путем подкупа свидете-

лей; знатные люди, не желавшие выдавать своих крестьян, заподозренных в лихих делах; лица, оказавшие помощи в задержании преступников, и т.д. Все вышеперечисленные уплачивали до половины суммы возмещения.

Если обвиняемые на допросе указывали, что именно и у кого похитили, они уплачивали полную сумму возмещения, когда не могли назвать конкретного владельца похищенного – половину, если не знали точно количество похищенного – четверть суммы. Для установления объема возмещения были установлены специальные таксы, определяющие стоимость похищенного имущества. Так, за лучшего коня – пять рублей, жеребенка, корову или быка – один рубль и т.д. [5, с. 166–170]

Отличие «судного» порядка производства заключалось в большей свободе распоряжения потерпевшего ходом процесса и отсутствием различий между уголовными и гражданскими делами. Ведение дела начиналось только по инициативе потерпевшего, но не сразу (в отличие от розыскного порядка), а в определенные сроки допускалось примирение сторон, попытка в качестве метода добывания доказательств не использовалась [5, с. 175–176].

Примирение сторон не прекращало дела окончательно, и производство всегда могло быть возобновлено, поэтому в мировых записях всегда указывалась неустойка, которою должен был уплатить потерпевший ответчику в случае возобновления дела [5, с. 177].

Уплата денежного взыскания оканчивала производство по делу. В том случае, если обвиненный по каким-либо причинам не мог уплатить взыскиваемой суммы, применялись различные способы принуждения: правеж⁸, обращение взыскания на имущество и выдача головою. По делам о бесчестии в качестве «компенсации морального вреда» потерпевшему предусматривалась особая процедура. Осужденного приводили на двор потерпевшего и ставили на нижнюю ступеньку крыльца. Хозяин слушал доклад дьяка о приговоре и отпускал приговоренного, не позволяя ему садиться на лошадь у себя во дворе. Также по указанной категории дел допускалась выплата вознаграждения потерпевшим. Сумма вознаграждения зависела от установленной в законе таксы применительно социальному положению потерпевшего, женам платилось вдвое больше сумм, полагавшимся бы за оскорбление их мужей, те же правила применялись в случае бесчестия, связанного с ложным обвинением в совершении преступления, повлекшем пытку потерпевшего [5, с. 77–78].

Сосуществование двух типов процесса в описываемый период невольно порождает вопрос о том, какой способ производства по делу был наиболее выгоден потерпевшему? И в розыском, и в обвини-

⁶ Под данным термином в то время подразумевался именно обвинительный тип процесса.

⁷ Большое значение отводилось «обыску», то есть опросу членов общины, целью которого было выяснение личности предполагаемого преступника, установление того, является ли он лихим человеком или нет.

⁸ Эта мера связана с телесным наказанием осужденного, которого подвергали битью прутьями в специально отведенном месте (на площади или перед приказной избой). Каждый день правежа зачитывал определенную часть долга.

тельном процессе присутствуют способы возмещения вреда, однако не ясно, в каком случае они носят наиболее действенный характер. Другими словами – в каком из перечисленных типов процесса они реализуются в полной мере? Ответ на этот вопрос можно дать, основываясь более на косвенных признаках, чем на реальных фактах. К сожалению, имеющиеся в распоряжении историков сведения о конкретных уголовных делах дают правоведам мало полезной информации. Даже приговоры суда в то время не мотивировались, а сведений об объеме их исполнимости никто не вел.

Думается, ужесточение и усложнение системы гарантий возмещения вреда законодателем в розыском процессе свидетельствуют о неэффективности деятельности уполномоченных лиц в этой области. Косвенное тому подтверждение – установление широкого круга лиц, несущих материальную ответственность за вред, причиненный преступлением. Значит, найти самого виновного далеко не всегда удавалось. Кроме того, не надеясь на свои собственные силы, официальные органы привлекали на свою сторону потерпевшего, путем выдачи ему так называемой «погонной грамоты», разрешения самому производить розыск обидчиков [5, с. 155]. Можно со всей уверенностью предположить, что введение форм розыского процесса преследовало публичные цели, связанные с установлением контроля власти за всей территорией государства, которая к началу XVII века значительно расширилась. В этом случае удовлетворение потерпевшего перестает быть главной целью процесса, отходит на второй план. Описанные тенденции, конечно, носят объективный характер, обвинительный тип уголовного судопроизводства является достаточно эффективным лишь при условии определенной пространственной ограниченности, наличии обособленной немногочисленной общины. Не случайно, по Русской Правде, если поиск похитителя путем «свода» не давал результата в пределах общины, дальнейшим отысканием преступника занимались ответчики, начиная с третьего приобретателя, которого установит потерпевший⁹. В этой ситуации сосуществование двух типов процесса выглядит вполне логичным. Там, где не справлялся и не мог справиться со своими задачами обвинительный процесс, применялись розыские формы.

Следующий этап развития уголовно-процессуального законодательства связан со знаменитым Соборным уложением царя Алексея Михайловича 1649 г. Этот документ впоследствии лег в основу Свода законов Российской империи [8]. Соборное уложение представляет собой систематизированный свод узаконений по различным отраслям права. Нормативный материал распределен по главам в зависимости от предмета правового регулирования. Наибольший интерес для нас представляют две главы Уложения: десятая «О суде», посвященная, об-

винительному судопроизводству, и двадцать первая «О разбойных и татинных делах», содержащая нормы о розыске. Интересно, что законодатель разбросал процессуальные нормы по разным главам, отделенным друг от друга значительным массивом других норм (всего в Уложении 25 глав и 967 статей) [9].

Обвинительный порядок судопроизводства, отраженный в Уложении, предполагал четкое формулирование потерпевшим своих претензий к обвиняемому. Сумма иска потерпевшего обязательно указывалась в челобитной, подаваемой в суд. В противном случае заявление от потерпевшего не принималось (гл. X, ст. 102). Не допускалось завышение объема исковых требований под угрозой взыскания за лишние суммы трехкратной пошлины (гл. X, ст. 19). Разрешалось соединение нескольких исковых требований к ответчику в одном процессе по желанию истца (гл. X, ст. 103), заочное решение выносилось судом в том случае, если какая-либо из сторон не являлась в процесс в связи с отъездом по делам «Государевой службы», во всех остальных случаях неявка истца означала прекращение производства по делу (кроме крепостных дел), а неявка ответчика без уважительной причины в течение недели – проигрыш дела (гл. X, ст.ст. 109, 111 и 113). Мирное соглашение также могло завершить производство по делу (гл. X, ст. 121). Признание обвиняемого¹⁰ решает дело в пользу потерпевшего в объеме, зависящем от того полное оно или частичное. В качестве возмещения допускается не только выплата реального ущерба, но и пени по усмотрению суда (гл. X, ст. 136). В случае смерти обвиняемого до разрешения дела по существу, вместо умершего в процесс вступают наследники (гл. X, ст. 132). Повторная подача иска была недопустима, нарушители наказывались битьем батогами и возмещением всех судебных издержек ответчику (гл. X, ст. 154).

Изложение правил производства по «судным» делам лишней раз наводит на мысль о схожести сущности гражданского и уголовного процессов. В основе обоих издревле лежат одни и те же процессуальные формы.

Розыск не претерпел каких-либо особых изменений, в том числе и относительно правил возмещения причиненного преступлением вреда. В таком же порядке, что и раньше¹¹, взыскивается возмещение при невозможности установить характер и размер ущерба (гл. XXI, ст.ст. 22–25). Пополняется состав лиц, несущих материальную ответственность за вред, причиненный преступлением. В него традиционно входят: главные виновные, пособники, лица, не оказавшие помощи потерпевшим в момент совершения преступления, лица, давшие ложные показания на «обыске», местные жители, укрывавшие преступника. Кроме того, в число ответственных включаются

¹⁰ С точки зрения терминологии Уложения понятия «ответчик» и «обвиняемый» – синонимы.

¹¹ См. правила, действовавшие в период судебников, описанные выше.

⁹ Ст.ст. 35–36 Русской Правды в пространной редакции.

судебные чиновники, отпустившие преступника самовольно либо за взятку, а также отдавшие его на поруки без сообщения вышестоящим должностным лицам.

При побеге обвиняемого удовлетворение потерпевшего предшествовало суду и наказанию (гл. XXI, ст. 84). Оправданный по розыску оставлялся в подзрении и не освобождался от обязанности выплатить потерпевшему возмещение. Считалось, что в этом случае улики для выплат по гражданским требованиям достаточно, а для применения уголовного наказания – нет. Как и прежде, уже на первоначальных этапах производства по делу розыскные формы процесса предполагали опись и арест имущества обвиняемого, что вменялось в обязанность чиновников, осуществлявших уголовное преследование.

Все вышеуказанные правила сохранились и в начале XVIII века. При Петре I производились попытки избавиться от дуализма процесса. В 1697 г. вышел Указ об установлении розыскного порядка производства для всех категорий дел: «Вместо судов и очных ставок предписано по челобитью всяких чинов в обидах и разорениях чинить розыск, то есть спрашивать свидетелей, а если свидетелей не будет, то давать присягу...» В 1699 г. царским указом судьям предписывалось не принимать от потерпевших письменных жалоб, а допрашивать их, поскольку «потерпевшие в тех своих (письменных. – Н.С.) сказках и допросах пишут иные посторонние дела...» [10, с. 575]. Последняя формулировка удачно отражает один из мотивов перехода к чисто розыскному процессу – нежелание отвлекать судей от «государственных дел» рассмотрением жалоб потерпевших. Любопытно, что Воинские артикулы Петра I упоминают и различные виды уголовных наказаний, и порядок производства по уголовным делам, но содержат лишь одно, и то не определенное, указание на возмещение причиненного вреда: украденное всегда следовало у преступника отобрать (арт. 189) [11].

В 1723 г. снова наблюдается поворот к судебным процедурам. Поскольку из последнего правила было сделано множество исключений, двоякость способов рассмотрения дел сохранилась. В результате Россия вернулась к прежнему «старинному» процессу, сочетающему обвинительные и розыскные формы.

В Учреждениях о губерниях 1775 г. Екатерина II положила начало формальному обособлению уголовного и гражданского процессов путем образования двух палат для гражданского и уголовного суда. Ранее в 1765 г. указом императрицы было запрещено взыскивать возмещение вреда по правилам, действовавшим согласно Уложению 1649 г. Потерпевшие должны были довольствоваться возвращением им украденных вещей, а если их было недостаточно, остальное взыскивалось с укрывателей преступников и скупщиков краденого.

Указом 1781 г. выдача головою, как мера обеспечения возмещения вреда, заменяется отдачей в рабо-

чие дома, где должник находился до тех пор, пока не отработывал в пользу потерпевшего сумму долга и 6 % сверху. На практике эта мера была крайне неудобна по отношению к мелким должникам. В 1804 г. был установлен нижний предел задолженности для лиц, к которым применялась данная мера, – 20 руб. Остальные правонарушители привлекались к общественным работам, за счет вознаграждения по которым уплачивалось возмещение вреда, а при отсутствии таковых работ преступник отработывал свой долг непосредственно потерпевшему.

Необходимо отметить, что почти весь XVIII век делались попытки кодификации российских законов. В свое время Петр I в разное время давал указания разработать проекты нового уложения по примеру шведского, но старания не увенчались успехом [10, с. 566].

В проектах уложения, разрабатываемых при Екатерине II в 1754–1756 гг., как общее правило предусматривалось рассмотрение в рамках уголовного процесса гражданско-правовых требований о возмещении вреда. Если устанавливалось, что отсутствует состав преступления, то розыск должен прекращаться, а вопрос о возмещении убытков передаваться на рассмотрение гражданского суда [7, с. 70–105]. Данным проектам не суждено было осуществиться. Как верно отметил Н.С. Таганцев: «...законодательство все продолжало развиваться путем сепаратных указов, внося хаос и неурядицу в судебную практику, служа главной опорой лихоимству и неправосудию» [12].

Окидывая взглядом описанный период в истории российского права, невольно приходишь к мысли, что все метания законодателя между обвинительным и розыскным процессами обусловлены поисками компромисса между соблюдением частных и публичных интересов в уголовном процессе. Тот способ взаимодействия различных типов процесса, который существовал до XVII века, уже не годился для нового времени. Зарубежный опыт не мог быть автоматически перенесен на российскую почву.

Вполне достойным выходом из сложившейся ситуации стало появление свода законов Российской империи. Работа над составлением нового уложения была прекращена, и все усилия были направлены на систематизацию уже имевшегося нормативного материала. Свод законов, вступивший в силу с 1 января 1835 г., вобрал в себя все действующие нормы права. Законодатель как бы подвел условную черту, итоги правотворческой деятельности за почти 200-летний период. Уголовному процессу в своде был посвящен том XV, книга II «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»¹². Нормы, касающиеся процессуальных способов возмещения вреда, так же как и в Уложении 1649 г., не образовывали систему и в основном касались отдельных составов преступлений, таких, как кража, грабеж или оскорбление. Общим было правило, со-

¹² Здесь и далее автор ссылается на Свод законов, т. XV, кн. II издания 1857 г.

гласно которому при подаче жалобы о возмещении ущерба в полицию потерпевший должен был подробно описать, какой именно вред или убыток понесен, что именно у него похищено и на какую цену. В случае завышения размера ущерба жалобщик мог лишиться всего иска (ст. 40). Потерпевший обладал правом выбора гражданской или уголовной юрисдикции. При прекращении уголовного дела допускалась подача иска в гражданский суд, но уголовное преследование не могло быть возбуждено после обращения потерпевшего в суд гражданский (ст. 42). Принятие мер обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, возлагалась на полицию. Также полиция, осуществлявшая следствие, была вправе возратить похищенное имущество до суда, то есть применить реституцию, если похищение было сопряжено с применением насилия, кроме случаев, когда похищенная вещь являлась вещественным доказательством (ст. 90). Потерпевший должен был в течение двух недель доказать свои права на похищенную вещь, найденную у обвиняемого. В случае, если доказательства не предоставлялись в течение двух недель, а обвиняемый ссылался на то, что имущество принадлежит ему, производство по делу прекращалось. В этом случае потерпевший также мог обратиться в гражданский суд (ст. 86). Лица, «прикосновенные к делу», не могли быть свидетелями. Это означало, что объяснения потерпевшего не имели силы доказательства (ст. 216). Примирение сторон допускалось лишь в очень ограниченном круге случаев (ст. 40). На стадии исполнения приговора взыскание обращалось на имущество обвиняемого, а при его недостаточности на имущество лиц, «прикосновенных к делу», каковыми по законодательству считались, в частности, попустители, укрыватели и недоносители [13].

Нормы, касающиеся возмещения вреда, причиненного преступлением, содержались и в Уложении о наказаниях 1845 г., вошедшем в Свод законов. Помимо вышеуказанных общих правил предусматривалось, что ответственность за причиненные убытки несут и наследники виновного в пределах суммы наследства (ст. 65); должник, к которому не применялось уголовное наказание¹³, мог быть заключен под стражу на основании общих правил о несостоятельных должниках (ст. 66); устанавливалась очередность обращения взыскания на имущество обвиняемого – сначала удовлетворялись требования по возмещению вреда, затем иные денежные взыскания (ст. 67). В 1851 г. в нормы, содержащиеся в Уложении о наказаниях, было внесено существенное дополнение, согласно которому вышеизложенные правила применялись в соответствии с гражданскими законами. Это означает, что при производстве уголовного дела правоприменительный орган руководствовался не только нормами уголовного, но и гражданского права и процесса.

Как отмечает Д.Г. Тальберг, в силу запутанности и разбросанности норм о возмещении ущерба, причиненного преступлением в рамках уголовного процесса, на практике потерпевшие редко использовали такую возможность и предъявляли иски в гражданский суд [7, с. 104–105]. Думается, причины этого явления лежат гораздо глубже. Судопроизводство по Своду законов носило письменный характер, суд не был отделен от администрации, отсутствовали такие гарантии, как гласность и состязательность, потерпевший не мог прибегнуть к услугам представителя. Все это, наряду со сложностью и запутанностью законодательства, и приводило к тому, что институт возмещения вреда, причиненного преступлением, по большей части, существовал лишь на бумаге.

Судебная реформа 1864 г. послужила толчком к реальному развитию норм уголовного процесса, посвященных охране имущественных интересов потерпевшего. Возникла необходимость теоретического осмысления института возмещения вреда, причиненного преступлением, в литературе. Все исследователи не выходили за рамки обсуждения гражданского иска в уголовном судопроизводстве и на другие способы возмещения вреда практически не указывали. Все это приводило к тому, что другие способы, а также гарантии материальные и организационные остались неисследованными.

Прежде чем обратиться к теории вопроса, следует дать краткий обзор норм Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (УУС) и некоторых других актов, а также коснуться правоприменительной практики. Следует отметить, что Свод законов Российской империи не утратил своей силы, он по-прежнему включал в себя законы уголовные и гражданские, нормы процессуального права. В той части страны, в которой действовали судебные уставы, Свод законов не распространялся на судопроизводство и судоустройство, в тех губерниях, где уставы не были введены – действовал без изменений.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [14] предусматривает совместное рассмотрение гражданского иска с уголовным в рамках уголовного процесса по желанию потерпевшего. Под гражданским иском понимается требование о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступным деянием. Гражданский истец – это лицо, потерпевшее от преступления или проступка, заявившее требования о вознаграждении во время производства дела, но не являющееся частным обвинителем¹⁴ (ст.ст. 6 и 7 УУС). Гражданский иск мог быть заявлен в любой стадии уголовного процесса до момента открытия судебного заседания. В общих судах моментом открытия считалось объявление об этом председательствующего, в мировых судах – момент предъявления обвиняемому существа обвинения и опрос лиц, участвующих в деле [15, с. 258–262].

¹³ Имеется в виду такое наказание, которое связано с лишением свободы.

¹⁴ Об отличии гражданского истца от частного обвинителя подробнее см. ниже.

Потерпевшим, а следовательно, и гражданским истцом могло быть физическое или юридическое лицо, понесшее какой-либо ущерб непосредственно от преступления [16]. Ущерб, причиненный преступлением, мог носить как материальный, так и нематериальный характер. Необходимо дать некоторые пояснения по поводу соотношения понятий «потерпевший» и «гражданский истец» по УУС. Смысловый объем понятия «потерпевший» шире. Под ним подразумевается всякое лицо, непосредственно пострадавшее от преступного посягательства. Гражданским истцом же является такой потерпевший, который предъявил требование о возмещении вреда, могущего иметь денежную оценку¹⁵. Требования компенсации морального вреда в уголовном процессе не рассматривались [7, с. 113–114, 116].

Гражданскими истцами, таким образом, могли быть лица, непосредственно потерпевшие от преступления; семья убитого, податные общества, относительно полагающихся с убитого казенных податей и других повинностей; дети, рожденные вследствие изнасилования (через представителей); наследники потерпевшего; учреждения, выступающие законными представителями потерпевших в соответствии с нормами гражданско-процессуального законодательства¹⁶. Кроме перечисленных лиц правоприменительная практика допускала участие в качестве гражданских истцов лиц, являющихся законными владельцами похищенного либо поврежденного имущества: хранителей, управляющих, лиц, взявших имущество в залог [7, с. 150–157].

Предметом гражданского иска могли быть требования реституции имущества или выплате вознаграждения за вред и убытки (ст.ст. 126, 375, 777, 122, 776 и 779 УУС), под которыми понимались уплата стоимости вещи, возвращение незаконно полученных плодов и доходов, исправление поврежденного имущества, возмещение расходов, связанных с поиском имущества, обеспечение существования потерпевших и их семей, возмещение расходов на лечение, похороны и т.д. [17, с. 86–102].

Гражданский истец обладал целым комплексом процессуальных прав и гарантий их осуществления.

На предварительном следствии гражданский истец мог: предоставлять своих свидетелей; присутствовать при всех следственных действиях и предлагать, с разрешения судебного следователя, вопросы обвиняемому и свидетелям; предоставлять другие доказательства; получать за свой счет копии всех протоколов и постановлений; требовать обеспечения гражданского иска. В последнем случае следователь, находя требования гражданского истца обоснованными, обращался в Окружной суд с представлением о применении мер обеспечения. Суд, признав доводы следствия убедительными, применял

меры обеспечения иска в порядке, предусмотренном Уставом гражданского судопроизводства. Одними из существенных гарантий прав гражданского истца были возможность отвода следователя и свидетелей обвиняемого, а также право обжаловать действия следствия в судебном порядке.

Правоприменительная практика лишала гражданского истца возможности иметь своего представителя на стадии предварительного расследования, руководствуясь невозможностью улучшить положение гражданского истца по сравнению с обвиняемым, также не обладавшим этим правом¹⁷.

На стадии предания суду гражданский истец извещался о вступлении в силу обвинительного акта, мог получить копию данного документа за свой счет, обладал правом требовать вызова дополнительных свидетелей и другими возможностями, равными по своему объему возможностям защиты.

В судебном заседании именно гражданский истец, а не потерпевший выступал в качестве самостоятельного участника процесса, поддерживая сторону обвинения. Гражданский истец мог:

- заявить отвод коронному составу суда¹⁸ и свидетелям;

- присутствовать при проведении всех действий, совершаемых на судебном следствии, обладал правом требовать проведения судебного следствия и в случае признания обвиняемым своей вины;

- предоставлять доказательства, опровергать доводы противной стороны, задавать вопросы свидетелям через председательствующего, осматривать вещественные доказательства, требовать проведения осмотра и освидетельствования;

- давать показания в качестве свидетеля.

Гражданский истец участвовал в прениях после речи прокурора или частного обвинителя. До вынесения вердикта присяжными гражданский истец выступал по вопросам, касающимся самого преступления и вины подсудимого, после оглашения вердикта – о размере исковых требований, подлежащих удовлетворению. В своей речи гражданский истец не мог касаться вопросов вида и меры наказания подсудимого.

Гражданский истец обладал правом обжалования приговора суда только в интересах гражданского иска.

Несмотря на упоминание в УУС гражданского ответчика, правовое положение этого субъекта уголовного процесса не получило детальной регламентации. Правоприменительная практика восполняла этот пробел [18, с. 83–84]. Гражданскими ответчиками считались лица, несущие в соответствии с законом материальную ответственность за вред, причиненный преступлением. К ним относились: наследники (в случае принятия наследства, отвечали в пределах наследуемого имущества), родители и опекуны, гос-

¹⁵ Обязательно указывать цену иска нужно было только тогда, когда она влияла на вопрос о подсудности.

¹⁶ Вопрос о правовой природе такого представительства лежит за рамками данной работы.

¹⁷ Не все юристы одобряли такой подход [18, с. 80–83].

¹⁸ На присяжных это право гражданского истца не распространялось.

пода и вверители (за вред, причиненный слугою или поверенным), начальство по делам о растрате, если у виновного нет своих средств, казна в лице почтового ведомства за утраченные по вине почтовых чиновников ценности и т.д. [7, с. 167–169]. Вышеуказанные лица должны были быть уведомлены о судебном заседании и обладали правом подачи апелляционного отзыва на приговор суда [7, с. 174–175].

Основания прекращения производства по гражданскому иску не совпадали с основаниями прекращения уголовного преследования. Так, истечение срока давности уголовного преследования, смерть обвиняемого, помилование (ст. 16 УУС) не прекращали производство по гражданскому иску в уголовном процессе в случае, если эти обстоятельства возникли после «начатия в уголовном порядке иска о вознаграждении», то есть после того момента, как производство по гражданскому иску в рамках уголовного процесса вступило в стадию предания суду, или после того, как в суд поступил обвинительный акт прокурора (ст. 543 УУС). В мировом судопроизводстве после предъявления гражданского иска производство по нему уже не могло быть прекращено по указанным выше основаниям. Это означало, что суд, который должен был рассмотреть уголовное дело, прекращал производство по нему, но доводил до разрешения по существу вопроса о гражданском иске по правилам уголовного процесса. В случае, если основания, предусмотренные ст. 16 УУС, возникали до «начатия в уголовном порядке иска о вознаграждении», потерпевший должен был обратиться в гражданский суд.

Основаниями прекращения производства по гражданскому иску были отказ от иска (ст.ст. 19 и 20 УУС), неявка истца в судебное заседание (ст.ст. 135 и 594 УУС), примирение по делам частного обвинения, если истец не оставил за собой права обратиться после в гражданский суд (ст. 20 УУС)¹⁹.

При постановлении приговора суд оставлял гражданский иск без рассмотрения в случае установления отсутствия преступности деяния, оправдания обвиняемого по коллективному вопросу о виновности, когда нет достаточных оснований для осуждения. Оправдание за отсутствием события преступления или недоказанностью участия в преступлении обвиняемого всегда влекло отказ в удовлетворении гражданского иска. Во всех остальных случаях (в том числе и при невменяемости обвиняемого) гражданский иск должен был быть рассмотрен по существу. Положительное решение вопроса о возмещении могло стать результатом и оправдательного приговора (ст. 31 УУС).

Если суд приходил к выводу о необходимости удовлетворения исковых требований, но для окон-

чательного решения вопроса требовались дополнительные расчеты по сумме иска, суд, постановив приговор, поручал одному из своих членов провести дополнительное заседание с участием истца и обвиняемого, в котором необходимо было решить вопрос о сумме иска (ст. 785 УУС).

В тех случаях, когда в соответствии с законодательством вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, были отнесены к ведению суда гражданского, приговор уголовного суда имел преюдициальное значение.

Исполнение приговора в части гражданского иска возлагалось на судебных приставов, а в мировом судопроизводстве – на полицию (ст.ст. 189, 954 УУС) и производилось только по просьбе потерпевшего.

Помимо производства по гражданскому иску в уголовном суде в УУС были закреплены и другие способы возмещения вреда, причиненного преступлением. Так, допускалась возможность реституции вещи и вне рамок гражданского иска по постановлению следователя в случае отсутствия сомнений о ее принадлежности потерпевшему и необходимости приобщения к делу в качестве вещественного доказательства (ст. 375 УУС).

Судебные уставы предусмотрели гарантии и на тот случай, когда обвиняемый скроется от следствия или суда и производство по гражданскому иску столкнется с рядом проблем, в связи с необходимостью приостановления производства по уголовному делу. Одновременно с принятием мер по розыску обвиняемого суд мог²⁰ сделать распоряжение о взятии имени разыскиваемого лица в опекунское управление. Если местонахождение обвиняемого не было установлено в течение шести месяцев с момента принятия мер по сохранению имущества, суд выносил определение о поступлении с имуществом скрывшегося по правилам, предписанным в отношении к безвестно отсутствующим (ст.ст. 851, 852 УУС). Эта мера способствовала сохранению имущества обвиняемого, за счет которого в будущем возможна выплата возмещения потерпевшим, кроме того опекун по гражданскому праву России мог «заступать личность опекаемого на суде» [19, с. 240]. Это давало возможность предъявления исков, связанных с возмещением причиненного преступлением вреда в порядке гражданского судопроизводства и в отсутствие самого обвиняемого.

Как уже упоминалось выше, развитие уголовно-процессуального законодательства в сфере возмещения вреда, причиненного преступлением, а также общий подъем в связи с коренными реформами 60-х годов XIX века, вызвали необходимость теоретического осмысления сущности правил о возмещении ущерба в уголовном процессе. Одним из самых дис-

¹⁹ Строго говоря, вопросы, касающиеся дел частного обвинения, лежат за пределами гражданского иска. Частный обвинитель, по мнению дореволюционных ученых, не являлся гражданским истцом. Он мог заявить требования о возмещении ущерба, не охватываемые понятием гражданского иска [7, с. 108].

²⁰ Принятие данной меры после корректировки УУС стало именно правом, а не обязанностью суда, так как имущество обвиняемого могло быть ничтожным, либо находиться во владении родственников, и затраты связанные с такими действиями не были бы оправданными.

куSSIONных являлся вопрос о роли гражданского иска в уголовном процессе.

Большинство исследователей, в частности И.Я. Фойницкий, С.И. Викторский, Д.Г. Тальберг, склонялись к выводу о необходимости существования так называемого «соединенного процесса». Этот термин (*Adhäsionsprozess*) возник впервые в Германии в Средние века и обозначал такую форму розыскного процесса, при которой потерпевший присоединялся к гражданскому иску к уголовному делу [7, с. 4]. Производство по гражданскому иску велось по правилам гражданского судопроизводства, если иное прямо не предусматривалось уголовно-процессуальным законодательством. В любой момент, когда гражданский иск начинал затруднять производство по уголовному делу, он передавался на рассмотрение гражданского суда. Ученые, придерживавшиеся, так или иначе, теории соединенного процесса, полагали, что его появление связано с необходимостью быстрого и полного удовлетворения интересов потерпевшего. Но в тех случаях, когда это входит в противоречие с интересами всего общества, замедляет производство по делу, гражданский иск должен быть исключен из уголовного процесса. И.Я. Фойницкий подвергал критике французскую систему уголовного процесса, отстаивая ту точку зрения, согласно которой гражданский иск в уголовном деле носит вынужденный характер. Соединенные процессы, отмечает исследователь, настолько разноплановы, что один из них подчиняется другому, существует возможность нелепых, надуманных обвинений с целью открыть потерпевшему доступ в уголовный суд. При обжаловании приговора гражданским истцом может сложиться «ненормальная ситуация», при которой наказание обвиняемому назначено быть не может, но суд должен снова привлечь обвиняемого, пригласить прокурора, соблюсти все остальные формальности, чтобы разрешить вопрос о виновности [18, с. 75–76].

С.И. Викторский отмечал, что, несмотря на то, что цели правосудия могут считаться достигнутыми лишь в случае защиты интересов потерпевшего [15, с. 253], гражданский иск в уголовном процессе имеет второстепенное значение, а главной целью суда является установление уголовной ответственности [15, с. 255–257].

Все вышеуказанные авторы полагали, что гражданский иск в уголовном деле является некой аномалией, носит второстепенный характер, а потому может быть всегда устранен, производство по иску должно вестись на основе правил о гражданском судопроизводстве.

Принципиально другой позиции придерживался Л.М. Берлин. Он считал, что гражданский иск должен рассматриваться в уголовном суде не только по соображениям процессуальной экономии и удобства для потерпевшего, но и в интересах обвиняемого, в целях установления истины по делу. Автор полагал, что гражданский иск о возмещении причиненного преступлением вреда должен рассматриваться по

правилам уголовного судопроизводства, потерпевший не в праве самостоятельно определять подсудность данного иска [20].

Подводя итог последнему периоду развития истории российского законодательства, хотелось бы указать на ряд существенных моментов, оказавших влияние на положение потерпевшего в уголовном процессе применительно к возможностям возмещения причиненного преступлением вреда.

Во-первых, само правосудие стало гораздо доступнее, чем это было раньше. Появление мирового судопроизводства избавило от тягостной процедуры ведения незначительных уголовных дел общим порядком, при котором возможность получения возмещения крайне отдалена. Упрощение форм ведения процесса означает сокращение отрезка времени между причинением вреда и его возмещением.

Во-вторых, процесс стал гласным и состязательным, в разрешении дел участвуют и присяжные, которые зачастую гораздо лучше понимают интересы потерпевшего, чем юристы-профессионалы.

В-третьих, у потерпевшего, предъявившего гражданско-правовые требования в уголовном процессе, возникло гораздо больше возможностей влиять на ход дела. Если в розыском процессе его, по остроумному выражению Л.М. Берлина, «только терпят» [20, с. 73], то в состязательном – гражданский истец – полноправный участник. Последнее обстоятельство отнюдь не препятствует принципу публичности уголовного процесса. Выступая на стороне обвинения, гражданский истец просто вынужден доказывать факты, изобличающие обвиняемого, способствовать поиску необходимых доказательств. Отстаивая свои частные интересы, потерпевший помогает обществу и государству достигнуть истины по делу [20, с. 35–36].

Таким образом, налицо развитие не только процессуальных, но и организационных гарантий возмещения вреда в уголовном процессе. Переход к состязательному типу процесса означал не только получение определенных выгод, но и существенные обременения для потерпевшего. Обязанность доказывания своих требований [18, с. 76–79] ограничивает произвольное определение суммы гражданского иска, требует приложения соответствующих усилий.

Через некоторое время после введения в действие судебных уставов 1864 г., произошел некоторый отход от общих принципов судебной реформы. Так, во многих губерниях мировые суды были упразднены и заменены институтами полиции и земских начальников, была выделена категория политических дел, по которым судопроизводство велось без участия присяжных с упразднением некоторых процессуальных гарантий. Однако все это по большей части не коснулось и ничуть не умалило того значения, которое приобрело новое законодательство в контексте защиты имущественных прав потерпевшего.

Февральская революция 1917 г., приведшая к власти одновременно и советы и Временное правительство, не оказала сколько-нибудь заметного

влияния на правоприменительную практику, с точки зрения рассматриваемой темы. Советские исследователи справедливо отмечали, что в этот период почти все старые кадры остались на местах, судостроительство изменилось незначительно (был ликвидирован Правительствующий Сенат, институт земских начальников и т.п. рудименты царского правления), но сами основы процессуального законодательства в виде судебных уставов 1864 г. остались нетронутыми [21, с. 10–13].

На протяжении истории России наблюдается две основные тенденции развития уголовного процесса и институтов возмещения вреда. С одной стороны, усиление роли государства, рост императивных начал, развитие институтов розыскного процесса. Противоположная тенденция – демократизация процесса, установление диспозитивных начал. В этой системе координат происходило становление институтов возмещения вреда, причиненного преступлением.

Нельзя однозначно ответить на вопрос, что лучше для развития способов возмещения вреда. Усиление роли государства – потерпевший перестает быть настоящим субъектом процесса, превращается лишь в «заинтересованного свидетеля», но государство по своей инициативе берет (или, во всяком случае, обязуется взять) на себя защиту его имущественных интересов. Появление диспозитивных начал – активность должна принадлежать потерпевшему, но он не всегда желает и может воспользоваться этим. Необходимо подчеркнуть, что на практике очень часто розыскной процесс исключал всякую возможность для возмещения вреда, а состязательный (по

УУС 1864 г.) делал доступным возмещение только для состоятельного потерпевшего, ибо чтобы воспользоваться всеми правами, необходимо получать квалифицированную юридическую помощь, да и сами расходы по активному участию в деле недешевы. Таким образом, вышеперечисленные тенденции имеют как достоинства, так и недостатки.

Однако, несмотря ни на что, можно сделать ряд существенных выводов:

1. Институты возмещения вреда, причиненного преступлением, не чужды российскому уголовному процессу, так как возникают и развиваются именно в рамках уголовного процесса.

2. Первооснова появления возмещения вреда в процессе – нормы материального права об уголовном наказании, которое на первых этапах не отделимо от возмещения вреда (Русская Правда).

3. Способы возмещения (иск потерпевшего, реституция, добровольное возмещение) существуют на протяжении всех исторических этапов, но трансформируются под влиянием конкретных обстоятельств и воли законодателя.

4. Положительно характеризуя развитие состязательных начал в процессе, стоит отметить, что это развитие далеко не всегда может реально помочь потерпевшему в возмещении вреда, поскольку в этом случае именно он несет основное бремя расходов.

5. Розыскной процесс характеризуется определенной степенью пренебрежения к проблемам потерпевшего, поскольку вся мощь государства сосредоточена на изобличении обвиняемого в совершении преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: автореф. дис ... канд. юрид. наук / Институт государства и права РАН. М., 2001. 40 с.
2. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1891.
3. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843.
4. Материалы к изучению истории государства и права СССР. Русская Правда. М., 1958. 59 с.
5. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (XIV, XV, XVI и первой половины XVII веков). СПб., 1884. 253 с.
6. Судебники XV – XVI веков. М.; Л., 1952. 615 с.
7. Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс. Киев, 1888. 224 с.
8. Дегай П. Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831. С. VIII.
9. Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. СПб., 1913. 331 с.
10. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типо-Лит. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. VIII, 728. С. 575.
11. Воинские артикулы Петра I. Материалы к изучению истории государства и права СССР. М., 1960. 49 с.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
13. Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Свод законов. Т. XV, тетр. 1), ст.ст. 16–17.
14. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции. Пг., 1916. 1412 с.
15. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912. 442 с.
16. Таубер Л.Я. Понятие потерпевшего в уголовном процессе. СПб., 1097. 71 с.
17. Комментарий к ст. 59 в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1912.
18. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. 606 с.
19. Законы об опеке и попечительстве (212–322 ст., т. X, ч. 1) по кассационным решениям Правительствующего Сената. М., 1913.
20. Берлин Л.М. Гражданский иск потерпевшего от наказуемого правонарушения. К вопросу о подсудности данного иска. СПб., 1888. 241 с.
21. Кожевников М.В. История советского суда. М., 1957. 383 с.

HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF REDRESS CAUSED BY OFFENCE IN THE CRIMINAL TRIAL OF ANCIENT RUS AND RUSSIA UNTIL OCTOBER 1917

Russian Journal of Criminal Law, 2014, no. 1(3), pp. 51–60.

Senin Nikolay N. Tomsk Institute of Economics and Law (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nicksen@yandex.ru

Keywords: victim, criminal procedure, typology of process, civil claim, restitution.

The article analyzes the development of the regulatory framework of redress in the criminal process and practice from the *Russkaia Pravda* to the Charter of Criminal Proceedings of 1864.

It studies the main theoretical provisions on the subject of research stated by the processualists before the Revolution. The study was conducted in the context of criminal proceedings typology and development of its public and private principles. The institutes of redress for harm caused by the offense are not unfamiliar to the Russian criminal process, as they emerge and develop in the criminal process. The methods of redress (the victim's claim, restitution, voluntary compensation) exist throughout the history, but they transform under the influence of certain circumstances and the will of the legislator.

Throughout the history there are two main trends of development of the criminal process and institutions for redress in Russia. On the one hand, they include the strengthened role of the state, higher imperative principles and developed institutions of investigative process. The opposite trend implies the democratization of the process and dispositive principles. It is impossible to give a clear-cut answer to the question what is better for the development of redress methods. The enhanced role of the state means that the victim ceases to be the subject of the process and becomes the "interested witness" only. The dispositive principles imply that the activity should belong to the victim, but the victim does not always want or can take advantage of this. It must be emphasized that it is a frequent practice when the investigative process eliminated any possibility for redress, and the adversarial process (under the Charter of Criminal Proceedings of 1864) made the redress available only for the wealthy victim.

REFERENCES

1. Smirnov A.V. *Tipologiya ugovnogo sudoproizvodstva*. Avtoref. dis kand. jurid. nauk [Typology of criminal legal proceedings. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 2001. 40 p.
2. Sluchevskiy V. *Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa* [Textbook of the Russian criminal trial]. St. Petersburg, 1891.
3. Kunitsyn A. *Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii* [Historical image of ancient legal proceedings in Russia]. St. Petersburg, 1843.
4. *Materialy k izucheniyu istorii gosudarstva i prava SSSR. "Russkaya pravda"* [Materials for studying of history of state and law of the USSR. "The Russian truth"]. Moscow, 1958. 59 p.
5. Lange N. *Drevnee russkoe ugovnoe sudoproizvodstvo (XIV, XV, XVI i pervoy poloviny XVII vekov)* [The ancient Russian criminal legal proceedings (14th, 15th, 16th and the first half of the 17th centuries)]. St. Petersburg, 1884. 253 p.
6. *Sudebniki XV – XVI vekov* [Codes of laws of the 15th-16th centuries]. Moscow – Leningrad, 1952. 615 p.
7. Talberg D.G. *Grazhdanskiy isk v ugovnom sude ili soedinennyy protsess* [The civil suit in criminal court or the connected process]. Kyiv, 1888. 224 p.
8. Degay P. *Posobiya i pravila izucheniya rossiyskikh zakonov* [Books and rules of studying of the Russian laws]. Moscow, 1831, p. VIII.
9. *Ulozhenie gosudarya, tsarya i velikogo knyazya Aleksey Mikhaylovicha* [Code of the Sovereign, Tsar and Grand Duke Aleksey Mikhailovich]. St. Petersburg, 1913. 331 p.
10. Belyaev I.D. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on history of the Russian legislation]. Moscow, Tipo-Lit. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina Publ., 1879. VIII, 728, p. 575.
11. *Voinskie artikuly Petra I. Materialy k izucheniyu istorii gosudarstva i prava SSSR* [Peter I military articles. Materials for studying of history of state and law of the USSR]. Moscow, 1960. 49 p.
12. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. V 2t.* [Russian Criminal Law: General Part: Lectures. In 2 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 1, 380 p.
13. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovnykh i ispravitel'nykh* [The code of criminal and corrective punishments]. In: *Svod zakonov* [Code of laws]. Vol. XV, notebook 1, pp. 16–17.
14. *Ustav ugovnogo sudoproizvodstva s pozdneysimi uzakoneniymi, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i tsirkulyarami Ministerstva yustitsii* [The charter of criminal legal proceedings with the latest legalizations, legislative motives, explanations of the Ruling Senate and circulars of the Ministry of Justice]. Petrograd, 1916. 1412 s.
15. Viktorovskiy S.I. *Russkiy ugovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow, 1912. 442 p.
16. Tauber L.Ya. *Ponyatie poterpevshego v ugovnom protsesse* [The concept of the victim in criminal trial]. St. Petersburg, 1907. 71 p.
17. Commentary on Art. 59 of the Penal Criminal and Correctional Code of 1885. St. Petersburg, 1912. (In Russian)
18. Foyntskiy I.Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 2* [The course of criminal proceedings. Vol. 2]. St. Petersburg: Al'fa Publ., 1996. 606 p.
19. Laws on Guardianship (212–322 Art. T. X, Part 1) according to the cassational decision of the Senate. Moscow, 1913. (In Russian)
20. Berlin L.M. *Grazhdanskiy isk poterpevshego ot nakazuemogo pravonarusheniya. K voprosu o podsudnosti dannogo iska* [The civil claim of the victim of a punishable offense. On the question of this claim jurisdiction]. St. Petersburg, 1888. 241 p.
21. Kozhevnikov M.V. *Istoriya sovetskogo suda* [History of the Soviet court]. Moscow, Gos. izd-vo jurid. lit-ry Publ., 1957. 383 p.